

шинство, а шелкоторговцы и гуннары – “меховщики” (скорняки) едва ли ими обладали (ср. с. 296). Сближать их всех с аристократией едва ли правомерно, ибо отправление чиновных обязанностей автоматически переводило торговцев в иную страту, для которой отправление торговых дел не имело прежнего значения, а становилось чем-то второстепенным.

Книга завершается анализом этнических процессов в Восточной Италии и попыткой установить их специфику. Главное, что здесь удалось определить О.Р. Бородину, это постепенную, неуклонную натурализацию византийских социальных элементов в стране. Причем воздействие варварских этносов на ход социальных процессов он вполне убедительно считает необходимым признать “исчерпывающе незначительным” (с. 331).

В целом, следует подчеркнуть оригинальность мышления, высокий профессионализм, компетентность, прекрасное владение словом, проявленные автором книги, что позволяет оценить ее как блестящий вклад в медиевистику, который пополнил “золотой фонд” фундаментальных исследований престижной серии “Византийская библиотека”.

С.Б. Сорочан

Ангелов П. България и българите в представите на византийците.
София: ЛИК, 1999. 288 с.

Тему новой монографии видного болгарского медиевиста, заведующего кафедрой болгарской истории Софийского университета проф. Петра Ангелова трудно назвать новаторской. Введенная в круг “главных тем” современной византистики на XVII конгрессе византологов в Вашингтоне (1986) акад. Г.Г. Литавриным, проблема взаимных представлений византийцев и славян друг о друге по сей день находится в центре внимания отечественных и зарубежных ученых. П. Ангелов в своем труде сводит результаты многолетних исследований образа болгар и их страны в византийских нарративных источниках за весь период существования средневекового Болгарского государства. Его книга рассматривает представления византийских авторов о своих ближайших соседях, партнерах и антагонистах как в тематическом (земля болгар, их внешний вид и одежда, ментальность, обычаи и язык), так и в хронологическом (государя Первого и Второго Болгарских царств) аспектах.

Автор подходит к “образу другого” как к отражению двух культур – той, что создает этот образ, и той, которой принадлежит его прототип. Отдавая себе отчет в предельной обобщенности такого образа, он вводит в исследование в качестве конкретных примеров портреты (“психосоматограммы”) болгарских государей, которые упоминаются в византийских текстах, по преимуществу историографических, житийных и эпистолярных. Прав болгарский исследователь и в другом выводе из первоначальной посылки – изменявшаяся от VII к XIV столетию византийская картина мира влияла на трансформацию образа болгар и Болгарии не в меньшей степени, чем изменения самих объектов.

В первой главе книге рассматривается видение византийскими авторами Болгарии и ее “природных данностей”. Автор выделяет общие представления о Болгарской земле и влиянии ее природной среды на живущих здесь людей, взгляды на Болгарию как театр военных действий имперских войск, описания климата и природных богатств страны. Глава очень лаконична и оставляет неосвещенными отдельные вопросы. Например, важнейшая “природная данность” Болгарии – это ее место в пространственной ориентации византийцев. Если для одних авторов болгары – это люди Севера, т.е. типичные варвары, подходящие под стереотипные описания северян, идущие от античной традиции, то для других территория Болгарии – это имперский Запад, часть полученного Вторым Римом Константинова наследия. “Северная” и “западная” ориентации порождают два разных угла зрения, которыми и объясняются кажущиеся противоречия византийских текстов, рисующих Болгарию то дикой и пустынной страной, то процветающей житницей.

Не слишком пространна и вторая глава – “Внешний вид и одежда болгар”, где автор также пытается разделить стереотипные описания одетых в кожи варваров и реальные наблюдения византийцев. Однако следует иметь в виду как условность наименований “иноземного” стиля одежды, так и нередкую удаленность последнего от нареченного прототипа, будь то “сарматский стиль” поляков XVII–XVIII вв. или “алафранга” тех же болгар в более позднее время. Важно другое – название определенного стиля одежды именем соседнего народа можно считать показателем значительной культурной близости. Не совсем к месту приведены в главе сведения об устремлениях отдельных болгарских средневековых деятелей усвоить себе одеяния и инсигнии византийских государей и сановников, имевших исключительно политическое значение.

Глава третья “Духовность и ментальность болгар” занимает центральное место не только по своему положению в работе. В первом параграфе, отмечая, что после крещения болгары уже не привлекают столь пристального внимания византийских авторов, как в языческие времена, П. Ангелов делает вывод, который тут же называет “еретическим” (с. 94). Признание византийскими авторами болгар на рубеже IX–X вв. “божьем народом”, по его словам, означало признание их права “иметь свое государство, которое могло развиваться и процветать”. На наш взгляд, в этом выводе нет ничего еретического, и такое признание не только не противоречило доктрине византийского ойкуменизма, но и означало ее дальнейшее развитие. Рассматривая отмечаемые византийскими писателями особенности поведения болгар в дипломатии и на поле боя, исследователь приводит массу характерных эпизодов из различных эпох. В этом ряду, однако, выглядит натянутым предположение, что Симеону могли быть известны подробности аварско-славянских отношений VI в. (с. 102). В параграфе о власти и обычаях болгар в изображении византийцев П. Ангелов оправданно отмечает, что данный сюжет был в наименьшей степени подвержен влиянию стереотипов, так как речь чаще всего шла о реальных и хорошо известных особенностях – наследственном принципе передачи верховной власти, обычном праве и пр. Заслуживает упоминание нетрадиционная и, на наш взгляд, правильная интерпретация известного прозвища Симеона – “полугрек”, даваемая в параграфе о восприятии ромеями болгарской образованности и языка. В этой сфере византийская общественная мысль не допускала равенства болгарина и ромея особенно последовательно и жестко.

Две последние главы посвящены византийским характеристикам государей соответственно Первого и Второго Болгарских царств. Говоря о портретах языческих правителей Болгарии, П. Ангелов подчеркивает, что они дошли до нас в основном в сочинениях, созданных после 843 г. и соответственно не склонных к позитивному изображению василевсов-иконоборцев. Этим во многом объясняются детальные описания побед болгар над ромеями, картины жестокости и мощи языческих ханов. Начиная с крестителя Болгарии Бориса-Михаила, болгарские государи изображаются как бы на фоне образа идеального христианского правителя, причем им или приписываются отдельные черты этого образа, либо, наоборот, проводятся обратные параллели с государями-язычниками и иноверцами. Любопытен и, видимо, правомерен вывод о том, что Самуила в Константинополе считали не государем болгар, а отступником, предавшим василевса, которому после падения Преслава болгарский предводитель обязан был подчиниться. Аналогичным образом воспринимались и вожди антивизантийского восстания 1186 г. Асень и Петр, но уже их младший брат Калоян фактически был признан в царском достоинстве после падения Константинополя в апреле 1204 г. В то же время, если сам болгарский царь, видимо, считал себя мстителем за массовые убийства болгар императором Василием II, византийские авторы приводили отчетливые параллели между ним и болгарскими ханами-язычниками.

Как и любое печатное издание, монография П. Ангелова не свободна от технических недостатков: масса опечаток в иностранных заглавиях ухудшает впечатление от весьма информативного справочного аппарата, на с. 165 хроника Константина Манассии датирована XI в., отсутствует указатель имен, неполна библиография.

Книга П. Ангелова позволяет детализировать и расширить научную картину взаимных представлений болгар и византийцев друг о друге как интересными выводами и наблюдениями, так и богатым фактическим материалом, впервые собранным воедино в

рамках монографического исследования. Лишь небольшая его часть впервые вводится в научный оборот, но некоторые важные тексты заново рассматриваются с интересующего автора угла зрения. Так, в одной греческой рукописи, хранящейся в Ватиканском архиве, содержится рассказ о походе безымянного византийского полководца палеологовского времени в Болгарию, страну, которая оказывается “скорее тенью, чем реальностью, скорее образом, чем прототипом, скорее чем-то несущественным, нежели тем, что она собой представляет, скорее потерей, чем приобретением”. Трудно найти во всей византийской литературе за семь столетий соседства и симбиоза со средневековой Болгарией более емкое определение. Болгария не была для ромеев ни своей, ни чужой. Страна и ее обитатели воспринимались византийцами как некий “незавершенный проект” приведения к богопознанию соседнего варварского племени и его государей. Ромеи могли сетовать, что под руками болгар совершенные формы имперского политического порядка становились более похожими на варварские, что даже самый образованный болгарин мог достичь лишь половины греческой учености, что христианская вера не могла полностью преодолеть “необузданную и грубую” природу недавних язычников. Они могли гордиться тем, что болгары приняли из византийских рук свет христианства, что их столицы были “детьми” великой Матери городов – константинопольской метрополии, а их государи – крестниками и духовными сыновьями, братьями и даже племянниками ромейских василевсов. И в том, и в другом случаях Болгария и болгары, в отличие от других славянских народов православного круга, воспринимались как часть ядра византийской ойкумены, а не как ее далекая периферия. Эта важнейшая особенность болгарской средневековой культуры нашла в новом исследовании болгарского медиевиста очередное подтверждение.

Д.И. Польвянный

Iordanis Grigoriadis. Linguistic and Literary Studies in the *Epitome Historion* of John Zonaras // Κέντρο βυζαντινῶν ἐρευνῶν. Θεσσαλονίκη, 1988

Книга ныне покойного греческого исследователя И. Григориадиса – первая монография, посвященная творчеству Иоанна Зонары. Уже само название этой работы указывает на ее новаторский характер. Стилистического анализа хроники Иоанна Зонары, а тем более других его сочинений, еще никто не проводил. О Зонаре писали многие исследователи, но такой задачи они перед собой не ставили. Это вполне объяснимо: “Сокращенную историю” писателя долгое время считали всего лишь *Mönchsarbeit* – примитивный “монашеской” хроникой¹. Г. Хунгер безоговорочно относил ее к *Trivialliteratur*², при согласии с таким определением анализ ее языка и стиля представлялся бы почти бессмысленным. Действительно, стоит ли искать индивидуальные художественные достоинства в заурядном компилятивном сочинении?

По-новому взглянуть на хронику Зонары позволила статья П. Магдалино³, где ученый показал, что хронист далеко не всегда так зависим от своих источников, как это кажется на первый взгляд. Пересказывая источник, Зонара не скрывает собственных взглядов, нередко вносит исправления, снабжает текст комментарием. Таким образом, были приведены серьезные доводы в пользу того, что хроника – не примитивная компиляция, а самостоятельное историческое сочинение.

Вслед за работой П. Магдалино появилась статья Д.Е. Афиногенова⁴, в которой исследователь проанализировал *proömion* хроники Зонары и пришел к заключению, что одним из достоинств компилятивного исторического труда Зонары является его стили-

¹ *Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897. S. 374.*

² *Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Bd. 1. München, 1978. S. 418.*

³ *Magdalino P. Aspects of twelfth Century Byzantine Kaiserkritik // Speculum. 1983. 58. P. 326–346.*

⁴ *Afinogenof D.E. Some Observations of Genres of Byzantine Historiography // Byzantion. 1992. 72. P. 13–33.*